

ОСОБЫЙ АРХИВ

ЭХО ЧУЖИХ ОШИБОК

ТАИСИЯ ВЕТРОВА

Таисия Ветрова

Эхо чужих ошибок

«Автор»

2026

Ветрова Т.

Эхо чужих ошибок / Т. Ветрова — «Автор», 2026

Профайлер Вера Корф привыкла читать чужие преступления по бумагам. Раз за разом она приходит в колонию особого режима к Артёму Лесову, осуждённому за серию убийств. Их разговоры похожи на поединок: каждое слово взвешено, а Лесов точно описывает детали, которых нет ни в одном открытом документе. Когда в заброшенном цехе у Кирпичной набережной находят мёртвую студентку, связанную тем же узлом, что и жертвы Лесова, Глеб Ставицкий объявляет убийцу подражателем. Именно он десять лет назад отправил Лесова за решётку. Вера тем временем находит в архиве расхождение, которое знали только следствие и сам арестованный. Ставицкий не хочет слышать о возможной ошибке, а Лесов требует поднять первые показания по эпизоду, за который получил пожизненное. Вере придётся выбрать между тем, что ей удобно считать правдой, и тем, что записано в старых папках. Ставицкому предстоит понять, чего стоят его ордена и репутация, если дело, которым он гордился, держится на чужом слове.

© Ветрова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Таисия Ветрова

Эхо чужих ошибок

Глава 1

Правило свиданий

Досмотр в колонии начинался не с людей, а с бумаг. Вера Корф знала это правило и всё равно каждый раз ощущала, как оно тяжелеет на плечах. Пропуск на имя архивного отдела, разрешение на свидание с осуждённым, паспорт, копия приказа о допуске к материалам дела. Дежурный прапорщик сверил фамилии дважды, поднёс к глазам её паспорт, потом посмотрел на Веру поверх очков.

— Корф, Вера Андреевна. Научный сотрудник.

— Аналитик, — поправила она. — В приказе написано «аналитик».

— В журнале научный.

Она не стала спорить. Журнал был его, и ошибка в нём тоже была его.

Телефон отправился в металлический шкафчик с номером семнадцать. Ключ от шкафчика она положила в карман пальто и почувствовала, как он холодит ладонь. Блокнот и ручку досмотрщица просмотрела страница за страницей, водя пальцем по строкам, будто искала в них шифр. Вера знала, что там ничего нет, кроме дат, номеров томов и трёх фамилий, которые она выписала ещё в машине. Но странное чувство, что её записи читают чужие люди, не проходило.

— Ручку оставьте только для записей, — сказала досмотрщица. — Не для чего другого.

— Для чего другого она мне и не нужна.

Коридор был длинным, выкрашенным в тускло-зелёный цвет, и звуки в нём отскакивали от стен с запозданием. Где-то в глубине хлопнула дверь, потом щёлкнул замок, и наступила тишина, в которой слышно было только собственное дыхание. Вера шла за охранником и считала решётки на окнах. Их было одиннадцать. Она сбилась на седьмой и начала снова.

Комната для свиданий оказалась меньше, чем она представляла по фотографиям в деле. Два стула, привинченный к полу стол, окно с матовым стеклом и решёткой снаружи. В углу висела камера, маленькая, чёрная, с красным огоньком. Пахло хлоркой и чем-то сладковатым, похожим на старую бумагу, которую долго держали в сырости.

Охранник остался у двери. Вера села на стул, положила блокнот перед собой и выровняла его по краю стола.

Лесова ввели через минуту. Он шёл ровно, не опуская головы, и на Веру не посмотрел сразу. Сначала он осмотрел комнату, как осматривают помещение, которое собираются занять на некоторое время. Потом сел, и только после этого поднял глаза.

Сорок семь лет. Волосы подстрижены коротко, седина выступала у висков. Серая роба сидела на нём аккуратно, пуговицы застёгнуты до верха. Руки он положил на стол ладонями вниз, и Вера вспомнила, что в деле это было отмечено как привычка, которой он не менял годами.

— Здравствуйте, Вера Андреевна, — сказал он. Голос был ровный и вежливый, без всякой натуги. — Вы пришли раньше, чем я ожидал. Я думал, вам понадобится ещё неделя на согласования.

— Согласования были быстрыми.

— Значит, кто-то очень хотел, чтобы вы пришли.

Она не ответила на это. Открыла блокнот на чистой странице и написала дату.

— Я буду задавать обычные вопросы, Артём Игоревич. Для работы над материалами. Вы не обязаны отвечать на все.

— Я отвечаю на все, — сказал он. — Иначе зачем нам эта комната.

Вера спросила о распорядке. Он ответил, не задумываясь. Подъем в шесть, проверка в шесть пятнадцать, завтрак в семь. Прогулка сорок минут во дворе, если нет снега, и двадцать, если есть. Библиотека по средам, книги выбирает по списку, список составляет сам, потому что тот, что выдают, устарел лет на двадцать. Он назвал три последние книги. Биографию какого-то инженера, сборник по теории вероятностей и старое издание о русских картах Урала.

— Вам нравится математика?

— Мне нравится, когда всё имеет меру. Это не одно и то же.

Она записала. Потом спросила о переписке.

— Письма получаю дважды в месяц. Отправляю тоже дважды. Цензура читает всё, поэтому я пишу о погоде и о здоровье, — он чуть заметно улыбнулся. — Погода здесь очень подробная.

— Кому вы пишете?

— Сестре в Твери. И одной женщине, которая переписывается со многими людьми из подобных мест. Она пишет о своих кошках.

— Фамилия?

— Вы же знаете, что я не назову её без необходимости.

— Тогда назовите, если это необходимо.

Он помолчал. Пальцы на столе не шевельнулись.

— Нет. Пока нет.

Вера перевернула страницу и задала следующий вопрос о свиданиях, о посылках, о здоровье. Лесов отвечал кратко и точно, будто диктовал протокол. В какой-то момент она поймала себя на том, что ждёт ошибки, оговорки, сбившегося слова, и сама себе не поверила. Он не ошибался. Он вообще редко говорил лишнее.

Потом он убрал руки со стола и сложил их на коленях.

— Вы читали про Кирпичную набережную? — спросил он.

Она подняла глаза.

— Читала сводки.

— Что там написано?

— Что в заброшенном помещении у набережной обнаружено тело женщины. Что следствие проверяет возможную связь с ранее нераскрытыми случаями. Что подробности не разглашаются.

— Подробности не разглашаются, — повторил он без всякой иронии. — Это правильная формулировка. Очень аккуратная.

— Вы хотите что-то добавить?

— Я хочу уточнить. В сводках написано, что женщина была связана лентой. Цвет не указан. Верно?

Вера не стала смотреть в блокнот. Она и так помнила текст. Последний абзац пресс-релиза, который она перечитала ночью дважды.

— Верно.

— Лента светлая. Тесьма, хлопковая, из тех, что идут на подшивку документов. Она была пропущена через запястья и завязана в три узла. Последний узел стоит на внутренней стороне предплечья, и петля смотрит наружу. Так вяжут, когда хотят, чтобы узел был виден.

Ручка остановилась в её пальцах. Она заставила себя продолжить писать, и почерк вышел ровным, как у человека, который записывает погоду.

— Откуда вы это знаете?

— Вы спрашиваете не то, Вера Андреевна. Спросите, что ещё я знаю.

— Что ещё вы знаете?

Он наклонил голову, чуть набок, как птица, которая прислушивается.

— На груди лежал сложенный вдвое кусок той же тесьмы. Не завязанный. Положен ровно, по средней линии, концами вниз. Вы этого в сводках не найдёте. И ещё одна деталь, которую вы тоже не найдёте. Место, где её оставили, не совпадает с местом, где её убили. Её перенесли. Перенесли аккуратно, и это важнее, чем кажется.

Вера провела линию в блокноте и не заметила, что линия вышла кривой. Она знала, что в сводках нет ни слова о тесьме на груди. Знала и то, что пресс-служба ни разу не упоминала перемещения тела. Эти сведения были в закрытом протоколе осмотра, который ещё не попал в её руки, и в списке тех, кто имел к нему доступ, стояло несколько фамилий, ни одна из которых не была её.

Откуда?

Она задала вопрос вслух, спокойно, как задают его на любом допросе:

— Вы сами видели эту женщину?

— Я видел много женщин, Вера Андреевна. Все они когда-то были живыми.

— Это не ответ.

— Это самый честный ответ, который у меня есть, — сказал Лесов. — Остальное вы узнаете сами, если будете смотреть на бумаги так, как вы смотрите на меня сейчас.

Она почувствовала, как под воротником становится жарко. Охранник у двери переступил с ноги на ногу, и звук его ботинка по бетонному полу прозвучал слишком громко.

Вера посмотрела в блокнот. Там были четыре строки, написанные почерком, который она сама считала аккуратным. Три узла. Петля наружу. Тесьма на груди, концами вниз. Перенос тела. Ни одна из этих строк не совпадала с тем, что она читала в открытых источниках. И ни одна не совпадала с тем, что говорилось в деле десять лет назад, потому что тогда такого не было в протоколах вообще.

Лесов смотрел на неё спокойно, с лёгким вежливым вниманием, как смотрят на человека, который уже пришёл к правильному выводу и теперь долго подбирает слова.

— Вы записываете, — сказал он.

— Да.

— Тогда запишите правильно.

Она не ответила. Ручка замерла над строкой, и Вера поняла, что впервые за весь разговор не знает, что будет следующим его словом.

Вера положила ручку на блокнот параллельно краю стола. Этому её учили давно, в первые годы работы: выиграть секунду, не показывая, что секунда нужна.

— Хорошо, — сказала она. — Откуда вы знаете про тесьму?

— Из тех же мест, что и вы.

— У меня нет доступа к закрытым протоколам.

— Значит, и у меня нет, — ответил он. — Но у протоколов есть читатели, и среди них есть люди, которые любят разговаривать. Не со мной. Со своими знакомыми. Знакомые приходят сюда на свидания.

— Вы назовёте хоть одного?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы спросите, зачем мне это нужно, а я ещё не решил, что ответить.

Она выдержала паузу. Лесов не торопился заполнить её. Он сидел, сложив руки на коленях, и смотрел на её блокнот так, словно мог прочесть написанное сквозь страницу.

— Тогда спрошу иначе, — сказала Вера. — Почему вы говорите о новом деле, а не о своём?

— Моё дело закрыто. Оно лежит в архиве, его перечитали все, кому было нужно. Новое открыто.

— И вы хотите в нём участвовать.

— Я хочу, чтобы его делали правильно.

— Кто его делает неправильно?

Он чуть заметно улыбнулся, одним уголком рта.

— Вы задаёте вопросы так, как учат на курсах. Сначала общий, потом частный, потом такой, на который человек отвечает, не подумав. Это хорошая методика. Она работает на тех, кто не знает, что её применяют.

— Я знаю, что её применяю.

— Тогда вы понимаете, что я сейчас делаю то же самое.

Вера перевернула страницу. Строки на предыдущем листе остались на месте, но она видела их краем глаза, как видят предмет, который положили не туда.

— Вы сказали, что женщина перенесена, — продолжила она. — Вы знаете, где она лежала до этого?

— Знаю место, где её оставили в последний раз. Оно не то, где её убили.

— Почему вы думаете, что её убили в другом месте?

— Потому что там не было бы такой тишины.

— Какой тишины?

— Такой, какая бывает после работы. Когда всё уже сделано, и остаётся только порядок.

Вера записала и вдруг поняла, что пишет слова «порядок» и «тишина» так же аккуратно, как писала бы «дата» и «подпись». Это ей не понравилось. Она сняла ручку с бумаги.

— Зачем вам, чтобы я это слышала?

Он посмотрел на неё внимательно, без прежнего вежливого безразличия.

— Вы ведь уже задавали себе этот вопрос. Ещё до того, как зашли сюда. Вы спрашивали себя, почему вас вызвали именно сегодня, почему именно вас, почему не следователя, который ведёт дело.

— Меня вызвали по плану работы.

— Плана работы не существует, Вера Андреевна. Существует список имён, и ваше там появилось неделю назад. Кто его подписал, вы знаете лучше меня.

Она промолчала. Внутри было тихо и ровно, как бывает перед тем, как поднимается температура.

— Вы не ответили, — сказала она.

— Я ответил. Вы не услышали. Это разные вещи.

Охранник у двери кашлянул. Лесов повернул голову на звук и снова вернулся к ней, не торопясь.

— Мне нужно, чтобы вы знали, что я умею считать, — сказал он. — Я провёл здесь десять лет. Я видел, как меняются люди, которые приходят сюда с папками. Одни становятся мягче, другие жёстче. Некоторые перестают смотреть в глаза. Вы смотрите. Это редкость.

— Вы пытаетесь мне польстить?

— Нет. Я пытаюсь объяснить, почему с вами можно говорить, а с другими нельзя.

— Другие — это кто?

Он не ответил. Повёл плечом, едва заметно, и это движение было таким же точным, как всё остальное в нём: ни лишнего жеста, ни лишнего слова.

Вера посмотрела на часы над дверью. Оставалось двенадцать минут. Она знала это без часов, по тому, как устала спина и как охранник стал переминаться чаще.

— Последний вопрос на сегодня, — сказала она. — Вы знакомы с людьми, которые могут иметь доступ к материалам архива?

— Я знаком с архивом, Вера Андреевна. Я провёл в нём больше времени, чем многие сотрудники.

— Это не ответ.

— Это ответ на вопрос, который вы задали. А ваш вопрос был про знакомых. Знакомых у меня мало. Их нет в тех списках, которые вы смотрите.

Она записала: «Знакомых мало. Не в списках».

Лесов следил за её рукой. Потом заговорил снова, и голос у него стал тише, так что охранник, наверное, не разобрал бы слов.

— Передайте следователю, — сказал он, — что я помню каждый узел.

Вера подняла глаза.

— Какому следователю?

— Вы знаете какому.

— Артём Игоревич, если у вас есть информация, её нужно передать официально. Через адвоката, через запрос, через начальника колонии. Я не почтальон.

— Вы не почтальон, — согласился он. — Почтальон не стал бы сидеть со мной в этой комнате и записывать. Почтальон просто принёс бы конверт.

— Тогда зачем мне это говорить?

— Потому что вы передадите точнее. Вы умеете не искажать.

Он поднялся, не дожидаясь команды. Охранник шагнул от двери, положил руку на ремень. Лесов посмотрел на Веру сверху вниз, спокойно, почти доброжелательно.

— Помню каждый узел, — повторил он. — Скажите именно так.

— Я запишу.

— Вы уже записали.

Он повернулся к двери. Охранник открыл её. Лесов вышел первым, ровно, не оглядываясь, и коридор принял его шаги, пока они не стихли.

Вера сидела ещё несколько секунд. Потом закрыла блокнот, поднялась и пошла к выходу, держа его у груди. Дверь за ней захлопнулась с тяжёлым, привычным звуком. В пустом коридоре пахло хлоркой и мокрым бетоном. Она шла, не торопясь, и думала не о тесноте и не о переносе тела, а о простой фразе, которую он произнёс последней. Она знала, что через час откроет блокнот и увидит её на странице, написанную её собственным почерком, ровным и аккуратным, будто ничего особенного в ней нет.

Дежурный на выходе, молодой сержант с усталым лицом, попросил положить вещи на стойку. Вера выложила пропуск, телефон и блокнот. Он взял пропуск, сверил фамилию с журналом, вернул его и потянулся к блокноту.

— Досмотр исходящих, — сказал он без выражения. — Записи проверяем.

— Это мои рабочие заметки, — ответила Вера. — Они не относятся к режиму.

— Все записи относятся к режиму, пока не проверены.

Она не стала спорить. Спор здесь ничего бы не изменил, а лишнее слово только дало бы ему повод смотреть внимательнее. Сержант открыл блокнот на первой странице, потом перелистнул несколько листов, быстро пробегая глазами по строчкам. Он читал без интереса, как читают инструкцию, которую приходилось видеть сотни раз. Остановился на последней записи, но задержался ненадолго.

— «Помню каждый узел», — прочёл он вслух и поднял глаза. — Это что?

— Цитата.

— Из чего?

— Из разговора.

Он хмыкнул, закрыл блокнот и положил его перед ней. Ничего не сказал, не записал и не отметил в журнале. Просто вернул вещь, как возвращают чужой зонт.

— Можете идти.

Вера взяла блокнот, потом телефон и пропуск. Пальцы на секунду задержались на обложке. Бумага была прохладной, как бывает у вещей, которые долго лежали в ящике.

На крыльце колонии пахло мокрым асфальтом и дымом с заводской трубы. Ветер дул с полей, поднимал пыль с обочины и бросал её под ноги. Небо было низким, серым, без просвета. Она спустилась по ступеням, придерживаясь за перила, хотя ступени были сухими. Охрана у ворот смотрела на неё безразлично, как смотрят на всех, кто выходит отсюда раньше, чем вошёл.

Машина стояла на стоянке у забора. Вера села за руль, но не завела двигатель. Положила блокнот на сиденье рядом, открыла его на последней странице и посмотрела на строку. Почерк был её, ровный, с одинаковым наклоном, без помарок. Фраза выглядела спокойной, почти безобидной. Так выглядят вещи, которые ещё ничего не сделали.

Она подумала о том, что Лесов сказал «передайте следователю», а не «передайте Ставицкому». Имя он не назвал, хотя мог бы. Значит, либо не хотел, либо считал, что ей оно и без того известно. Вера закрыла блокнот, положила его в сумку и застегнула молнию.

Потом завела машину. Дворники скрипнули по сухому стеклу, хотя дождя не было. Она выехала на грунтовку, ведущую к трассе, и долго смотрела на дорогу впереди, на серые ряды старых тополей, на заводские корпуса в дальнем конце степи. Фраза осталась в сумке, в блокноте, в её памяти. Она знала, что будет повторять её и дома, и в архиве, и на совещании, пока не поймёт, кому она адресована на самом деле.

Глава 2

Узел

Вызов пришёл в начале девятого, когда в городе ещё не рассвело. Дежурный назвал адрес и добавил, что сторож заметил открытые ворота и не стал заходить внутрь сам. Ставицкий записал адрес на обороте квитанции и поехал без спешки, потому что спешка на месте преступления редко помогает.

Кирпичная набережная тянулась вдоль реки на протяжении двух километров. Когда-то здесь стояли склады и подсобные корпуса «Красного проката», теперь осталось несколько кирпичных коробок с выбитыми окнами и железными дверями, которые никто не закрывал лет пятнадцать. Асфальт вспучился, в трещинах росли сухие стебли полыни. Пахло речной тиной и мазутом, который въелся в камень так глубоко, что дождь его уже не брал.

У ворот стояла патрульная машина с включённой мигалкой, но без sireны. Молодой сержант Кузьмин курил у капота и, увидев Ставицкого, бросил окурочок на асфальт и растёр его ботинком.

— Глеб Николаевич, тут всё как сказали. Сторож Фомичёв в будке, не выходил. Труп внутри, в четвёртом пролёте, возле бывшей покрасочной.

— Кто первый зашёл?

— Фомичёв, утром. Говорит, пошёл проверить, потому что ворота были приоткрыты. Дальше не пошёл, сразу звонил.

— Кто уже внутри?

— Мирошин с Тарасовым. Ещё эксперт из дежурки, но он на улице, курит.

Ставицкий кивнул и натянул перчатки, прежде чем переступить порог. Левое колено отозвалось тупой болью, как всегда в сырую погоду. Он не стал на это обращать внимания и пошёл по ржавому настилу, который прогибался под ногами и отзывался глухим звуком.

Внутри было темнее, чем снаружи. Крыша держалась на балках, но в нескольких местах листы железа отошли, и через дыры в цех падали полосы серого света. Они лежали на полу, на бетонных плитах, на старых станинах станков, которые никто не стал вывозить. Пахло сыростью, машинным маслом и чем-то ещё, сладковатым и тяжёлым, от чего першило в горле. Ставицкий дышал ртом и смотрел под ноги.

Мирошин стоял у дальней стены, на корточках, и что-то фотографировал. Услышав шаги, он обернулся, кивнул и продолжил работу. Тарасов, молодой оперативник из отдела по тяжким, сидел на перевёрнутом ящике и держал в руках планшет. Он поднялся, когда увидел Ставицкого.

— Доброе утро, Глеб Николаевич.

— Доброе. Что у нас?

— Женщина, двадцать два года, по документам Голубева Ярослава Олеговна. Студентка, работала ночами в кафе на промзоне. Сумку нашли у входа, паспорт внутри, телефон разряжен.

— Давно?

— Судмедэксперт говорит, что ночью. Точнее скажет на вскрытии.

Ставицкий подошёл ближе. Тело лежало в центре четвёртого пролёта, на бетонном полу, в свете из проёма в крыше. Женщина была на спине, ноги вытянуты, левая рука отведена в сторону и согнута в локте, правая прижата к груди. Куртка была расстёгнута, одежда на груди поправлена. Лицо повернуто к стене, так что видно было только светлые волосы, собранные в хвост, и тонкую шею.

Он не стал сразу смотреть на тельму. Сначала обвёл взглядом пространство вокруг тела, как учили, от периферии к центру. Следов борьбы не было: ни разбросанных предметов, ни

опрокинутых ящиков. Рядом с телом валялся кусок старой фанеры, на котором осталась засохшая краска. Под ним лежал окурок, без следов помады. У стены стоял пустой мешок из-под цемента, аккуратно сложенный вдвое.

— Мешок ваш? — спросил он.

— Нет, — ответил Тарасов. — Мы его не трогали, он там с самого начала.

— Кто-то его поставил.

— Или он всегда там стоял.

Ставицкий не ответил. Опустился на корточки рядом с телом, колено хрустнуло, и он на секунду задержал дыхание. Тесьма была светлой, хлопковой, из тех, какими раньше перевязывали бумажные пачки на складах. Она охватывала запястья женщины двумя витками, потом шла через грудь и на шее соединялась в узел. Узел был не тугим. Сверху он был завязан двойной петлёй, которая не давала ткани разойтись, но не душила. Ставицкий наклонился ниже, почти касаясь лицом холодного воздуха над телом, и увидел, что петля завязана с оборотом, как будто кто-то старался не сделать больно, но не допустить ошибки.

Он перевёл взгляд на грудь. Поверх кофты лежал сложенный вчетверо кусок тесьмы, аккуратно разглаженный, с ровными краями. Квадрат был ровным, как лист бумаги в папке. Ставицкий смотрел на него долго, пока не почувствовал, что у Мирошина за спиной кто-то замер.

— Сфотографировал? — спросил он, не оборачиваясь.

— Всё сфотографировал, — ответил Мирошин. — С трёх ракурсов, с масштабом.

— Квадрат не трогать.

— Не трогаю, Глеб Николаевич. Ждём судмедэксперта, он должен сам зафиксировать расположение.

Ставицкий вытянул шею и посмотрел на правую руку женщины. Пальцы были сжаты, но не судорожно. Между ними, почти незаметно, лежала маленькая деревянная катушка, какие используют для намотки ниток. Катушка была тёмной, с потёртыми краями. Без неё тесьма не могла бы быть отмерена так ровно, и без неё не было бы этого квадрата на груди.

Он знал эту катушку. Не по фотографии из прессы, которой там не было, а по описанию в закрытом протоколе осмотра, который он сам когда-то читал, сидя в кабинете с закрытой дверью. Строка была короткой, почти казённой: «Предмет — деревянная катушка, использовалась для отмера тесьмы, найдена в руке потерпевшей». Тогда Ставицкий подчеркнул эту строку карандашом, потому что счёл её важной. Теперь он не помнил, зачем подчеркнул.

— Эдуард, — сказал он. — Катушку видели раньше?

Мирошин повернулся и посмотрел на него с недоумением.

— В каком смысле раньше?

— В любом.

— В смысле, в деле? — Мирошин поднялся, колени у него тоже хрустнули. — Нет. В прессе её точно не было. Я смотрел сводки, там про тесьму писали одним абзацем, без подробностей.

— А в архиве?

— Не знаю, Глеб Николаевич. Я в девяностых ещё студентом был.

Ставицкий кивнул, не отвечая. Он достал блокнот, раскрыл его на чистой странице и начал писать, медленно, разборчиво, как привык. Положение тела: на спине, ноги вытянуты, левая рука отведена, правая прижата к груди. Тесьма светлая хлопковая, два витка на запястьях, петля на шее с оборотом. Квадрат тесьмы на груди, сложен вчетверо. Катушка в правой руке. Мешок из-под цемента у стены, возможно, поставлен позже. Следов борьбы не обнаружено.

Он остановился и перечитал написанное. Почерк был ровным, но в последней строке дрогнуло: буква «у» вышла с незавершённым хвостом, как будто рука на секунду задумалась. Ставицкий провёл по ней пальцем, словно это могло что-то изменить.

Дальше он взглянул на узел. Вернулся к телу, опустил ниже и посмотрел на петлю под другим углом, с левой стороны, где свет падал косо. Двойной обор, затем короткий захлест, и конец заложен под основание, чтобы не разойтись. Этот узел он видел. Не в описании, не на фотографии в деле, которую так часто разглядывал, что перестал видеть. Он видел его в тот вечер, когда сидел в изоляторе с распечаткой протокола и слушал, как за стеной кто-то кашляет.

Он выпрямился. Колено снова отозвалось болью, но он не стал на него опираться. Вынул ручку и на следующей странице, ниже первой записи, аккуратно нарисовал узел, стараясь не спешить. Нарисовал, посмотрел и понял, что рисунок совпадает с тем, что лежит перед ним, и с тем, что он помнил. Совпадение было слишком точным, чтобы его можно было назвать случайным, и слишком неудобным, чтобы он готов был его признать.

Ставицкий медленно закрыл блокнот и положил его в карман куртки. Снаружи, у ворот, хлопнула дверца машины, кто-то негромко выругался. Он стоял посреди цеха, в полосе серого света, и смотрел на женщину, которая лежала у его ног так, будто её кто-то аккуратно уложил спать.

Фомина пришла через полчаса, когда у ворот уже стояли две машины и кто-то развернул вокруг цеха жёлтую ленту. Она была невысокой, в тёмном пуховике, с чемоданом, который поставила у входа, не открывая. Поздоровалась коротко, посмотрела на Ставицкого поверх очков и кивнула на тело.

— Вы вошли внутрь?

— Вошёл. Ступал по своим следам, — ответил он. — Тесьму не трогал.

— Хорошо. Ваши следы я отличу от чужих, если понадобится.

Она опустилась на колени с другой стороны, у головы, и несколько секунд молчала, только смотрела. Потом осторожно повернула руку женщины, не выпуская катушку, и приподняла край рукава. Запястья были натёрты, на коже остались полосы, светлые, почти ровные.

— Тесьма туго не затягивалась, — сказала она. — Было бы больно, но не до крови. Видите, след тонкий, неглубокий.

— Он был жив, когда его связали?

— Пока не скажу. Посмотрю в лаборатории.

— Тело двигали?

Фомина посмотрела на него внимательнее.

— Похоже, что нет. Положение естественное, если так можно сказать. Трупное окоченение уже входит, но я бы не стала по позе говорить, что её переложили. Её уложили.

Она подняла голову и осмотрела стену над телом, где свет из проёма падал на облупившуюся краску.

— Вы спрашивали про катушку, — сказала она, не оборачиваясь. — Она лежала в руке до того, как пришли вы. Эдуард её не трогал.

— Я знаю.

— Тогда вам лучше спросить то, что вы не можете спросить вслух.

Ставицкий не ответил. Отступил на шаг, потом ещё, пока спина не коснулась холодного металла станины. Металл был влажным, и сквозь ткань куртки это ощущалось неприятно. Он достал блокнот и открыл его на том месте, где уже была первая запись.

Писал медленно, по порядку. Время осмотра, фамилия эксперта, отметка о ленте. Затем положение тела, как было видно до того, как Фомина коснулась руки. Тесьма, два витка на запястьях, без глубокого вреза. Петля на шее с оборотом и захлестом, конец заложен под основание. Квадрат на груди, сложен вчетверо, края ровные. Катушка в правой руке.

Когда дошёл до катушки, остановился. Рука с ручкой чуть дрогнула, и он перенёс вес на другую ногу, чтобы не стоять так неудобно. Потом дописал: «Предмет, отсутствующий в открытых материалах, но описанный в закрытом протоколе осмотра». Перечитал. Слово «описанный» показалось ему лишним, и он не стал его зачёркивать.

Потом он перевернул страницу и снова нарисовал узел. Рисовал не торопясь, как учили на курсах для следователей, сначала контур, затем витки, затем конец, заложенный под основание. Линии получились ровными. Он смотрел на рисунок и видел тот же самый захлест, ту же паузу перед последним оборотом, как если бы человек, который вязал, на мгновение задумался, прежде чем довести дело до конца.

Ставицкий знал эту паузу. Видел её на фотографиях, в которых не было ничего, кроме тьмы и света. Видел её и в другом месте, в другое время, когда никто не снимал.

За стеной цеха кто-то окликнул Тарасова по имени, и голос гулко прокатился по пустым пролётам. Ставицкий не поднял головы. Смотрел на рисунок, на светлую линию, которая вела от витка к витку, и медленно, по буквам, дописал внизу страницы:

«Узел видел раньше».

* * *

У ленты ветер тянул с реки и приносил запах мазута и сырого песка. Фонари на набережной ещё не зажгли, и серое небо над заводскими трубами постепенно теряло цвет. Ставицкий стоял у крайней машины, спиной к воротам, и смотрел, как санитары выносят носилки по железным мосткам. Колено ныло, но он не переносил вес на него, держался прямо, как привык держаться на людях.

Мирошин вышел из цеха минут через двадцать. Снял перчатки, сложил их одну в другую и сунул в карман комбинезона. Постоял, шурясь на свет фар, потом подошёл к Ставицкому и остановился на расстоянии, которое выбирают люди, не уверенные, что их выслушают.

— Фомина закончит с телом, — сказал он. — Тесьму я уже упаковал. Катушку тоже.

— Что с узлами?

Мирошин помолчал, глядя на ленту, которая хлопала на ветру.

— Узлы необычные. Я такие видел только в одном деле.

— В каком?

Мирошин не ответил сразу. Потом посмотрел на Ставицкого так, будто хотел спросить, не шутит ли тот.

— Глеб Николаевич, вы сами знаете в каком.

Ставицкий кивнул. Он не собирался спорить о том, что было очевидно обоим. Но и говорить вслух тоже не хотел.

— Опишите, — сказал он.

— Двойной обор на шее, затем захлест, конец заложен под основание, чтобы не разошёлся. Так же на запястьях, только без натяжения. И квадрат на груди, сложен вчетверо, края выровнены. Это не то, что делает человек, который просто хочет, чтобы тело не нашли долго. Тут есть порядок.

— Порядок есть во всём, что делает человек, Эдуард.

— Согласен. Но этот порядок похож на тот, что был в деле Лесова. Я смотрел фотографии, которые Фомина выводила для архива. Там тоже был захлест с паузой, вы сами на это тогда обращали внимание на совещании.

Ставицкий перевёл взгляд на ворота. Там стоял Тарасов, разговаривал с патрульным и время от времени поглядывал в их сторону. Молодой оперативник Белых стоял рядом, засунув руки в карманы куртки, и делал вид, что изучает асфальт.

— Значит, вы думаете, что Лесов вернулся, — сказал Ставицкий.

— Я ничего не думаю. Я говорю, что узел похож.

— Похож на что?

— На то, что мы видели десять лет назад.

— Десять лет назад, — повторил Ставицкий, — мы видели его в деле, которое закрыто, и вынесен приговор, который вступил в силу. Лесов сидит в колонии особого режима. Он сидит там уже десять лет, Эдуард.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы мне это говорите?

Мирошин дёрнул плечом, будто хотел поправить воротник, которого не было.

— Потому что вы спросили про катушку.

— Я спросил, видели ли её раньше. Это не значит, что я хочу услышать, что Лесов вышел и пошёл вязать узлы по набережной.

Мирошин снова замолчал. Внизу, у мостков, санитары закрепили носилки и подняли их на плечи. Белая ткань провисла, и на мгновение показался край тёмного пакета, затем его закрыли.

— Это подражатель, — сказал Ставицкий.

Слово вышло ровно, без нажима, но он услышал его так, будто его произнёс кто-то другой, стоящий рядом. Сказал раньше, чем Фомина закончила осмотр, раньше, чем криминалисты сняли отпечатки с ленты, раньше, чем были допрошены сменщики из ближайших киосков и женщина, которая вызвала полицию. Он знал, что так нельзя, и всё же сказал.

Мирошин поднял глаза. В его взгляде не было удивления, скорее осторожность, как у человека, который заметил, что на льду появилась трещина.

— Вы уже определили? — спросил он тихо.

— Я ничего не определял.

— Тогда откуда вы знаете?

Ставицкий не ответил. Он видел, что Белых обернулся и посмотрел на него. Видел, как Тарасов перестал говорить с патрульным и повернулся всем корпусом, медленно, будто не хотел, чтобы это заметили. Женщина из группы выездной фиксации, которая весь вечер молча снимала ленту и номера машин, опустила камеру и оглянулась на цех, словно ждала, что оттуда выйдет кто-то ещё.

Никто ничего не сказал. Но в этом молчании было больше, чем в любых словах. Ставицкий понимал, что каждый из них сейчас прикидывает, что он знает, а что только хочет знать, и что значит для его дела такая уверенность, высказанная вслух на улице, без протокола и без данных. Они не смотрели на него прямо, и это было хуже, чем если бы смотрели с укором.

Он ощутил, как в груди поднимается раздражение, но не на них и даже не на Мирошина. Оно было направлено на себя, на то, что он уже сказал, и на то, что теперь невозможно взять назад. Слова стояли в воздухе, холодные, как ветер с реки, и каждый, кто слышал их, теперь будет держать их в памяти.

Мирошин достал пачку сигарет, посмотрел на неё, потом убрал обратно в карман. Ставицкий заметил, что руки у него немного дрожат, и отвёл взгляд.

Он сунул руку в карман куртки, нащупал блокнот и не стал его вынимать. Страница с узлом была там, внутри, и он знал, что любое слово, которое он сейчас произнесёт, будет проверяться по ней.

Тарасов отвернулся от патрульного и пошёл к ним через двор, сбивая шаг о лужи. Белых шагнул навстречу, что-то сказал, но Тарасов махнул рукой, и тот остановился.

Ставицкий ждал. Не произносил ничего, не поправлял себя и не объяснял. Смотрел на жёлтую ленту, которая натянулась от порыва ветра и снова ослабла, и молчал.

Тарасов подошёл и остановился рядом, не глядя на Мирошина. Он был старше Ставицкого на два года, но выглядел моложе, и это раздражало обоих, хотя ни один не сказал бы об этом вслух.

— Что там, Глеб Николаевич? — спросил он. — Патрульный говорит, сменщица из кафе приходила к телу первой. Она знала девушку.

— Пусть Белых с ней поговорит. Адрес, фамилию, время смены. Всё как обычно.

— Уже говорит. — Тарасов посмотрел на ворота. — Но вы сказали, что это подражатель.

Ставицкий ничего не ответил. Тарасов подождал и повторил, уже медленнее, как говорят с человеком, который мог не расслышать:

— Вы сказали «подражатель». Я правильно понял?

— Вы правильно поняли, что я сказал.

— Тогда мне надо знать, на чём это основано.

— Основано на том, что тело нашли в цехе, где никто не работает, — сказал Ставицкий. — Основано на том, что девушке двадцать два года, и никто не станет вязать ей узлы, если не хочет что-то показать.

— Это не основание.

— Это наблюдение.

Тарасов шумно выдохнул. Мирошин стоял чуть в стороне и делал вид, что его здесь нет. Ставицкий видел, как он перекладывает пакет с тесьмой из одной руки в другую, словно тот стал тяжелее.

— Лесов сидит, — сказал Тарасов. — Вы сами его туда отправили. Если кто-то и вяжет по его схеме, значит, он пересказывает схему. А схема где? В протоколах. Протоколы где? В архиве, и в деле, и у тех, кто по этому делу работал.

— Вы предлагаете мне проверять всех, кто работал по делу.

— Я предлагаю не делать выводов раньше, чем мы хоть что-то узнаем.

Ставицкий смотрел на ленту. Она снова натянулась под ветром и тихо щёлкала о столб. Кто-то из выездной группы уже отметил её на плане и сделал пометку карандашом. Он видел эту пометку издали и понимал, что через час она будет в рапорте.

— Я вижу схожесть, — сказал он наконец, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Этого достаточно, чтобы держать версию Лесова в списке. Не в первой строке.

— Но вы сказали про подражателя, — упрямо повторил Тарасов. — Не про список.

Белых подошёл ближе и остановился, не решаясь вмешаться. Женщина с камерой уже не смотрела в их сторону. Она сворачивала штатив, аккуратно, по одному звену, и её лицо было ничего не выражающим, как у человека, который давно научился не слышать чужих разговоров.

Ставицкий заметил, что Мирошин больше не смотрит на него. Тарасов переглянулся с Белых, коротко, без слов. Патрульный у ворот отвернулся к машине. Всё это длилось секунды, но складывалось в одну картину: коллеги уже решили, что он поторопился, и теперь прикидывают, насколько это серьёзно, и кому выгодно, чтобы он поторопился.

Он хотел сказать, что ошибся в слове, а не в мыслях. Что подражатель — это только рабочая версия, которую нужно проверить. Что нельзя отбрасывать очевидное, даже если оно неприятно. Всё это было правдой, и всё это прозвучало бы как оправдание, а оправдываться перед ними он не хотел.

Тарасов ждал ответа. Мирошин ждал. Белых переступил с ноги на ногу и снова засунул руки в карманы.

Ставицкий посмотрел на дверь цеха, в проёме которой уже не было видно света. Сырой воздух пах железом и старой краской. Где-то за заводскими корпусами загудел локомотив, и звук долго тянулся над рекой, пока не стих.

Он так и не сказал ни слова.

Глава 3

Совпадение

Запрос пришёл в понедельник, сразу после обеда, в конверте с грифом управления. Вера сначала узнала почерк на лицевой стороне, мелкий, с наклоном влево, и только потом прочла текст. Ставицкий писал коротко, без обращения и без подписи, только фамилия и дата внизу.

Прошу сверить протоколы осмотра, опроса и опознания по делу Лесова А. с материалами по обнаружению Голубевой Я. (узел, тесьма, катушка). Результаты — письменно, ссылки на листы. Срок — до среды.

Она перечитала записку дважды, потом положила на стол и придвинула к себе бланк книги выдачи. Так было принято: всё, что выходило из фондов, проходило через книгу, даже если речь шла о внутренней сверке. Особенно если речь шла о ней.

Архив «Особого архива» занимал весь нижний этаж и половину второго в старом здании на Гончарной, где раньше был склад пивоваренного завода. Высокие окна выходили во двор, стекло было мутным, и в ясные дни свет падал на стеллажи косыми полосами, в которых было видно, как медленно оседает пыль. Сейчас было пасмурно. Лампы под потолком горели через одну, и в проходах между стеллажами всегда стоял полумрак, даже в середине дня.

Вера спустилась по лестнице, держась за перила, которые были теплее, чем следовало бы. Зинаида Павловна сидела за конторкой у входа в хранилище, в вязаной жилетке поверх блузки, и перебирала карточки, не поднимая головы.

— Опять Ставицкий, — сказала она, не спрашивая. — Он у нас теперь как сезонная погода.

— Запрос по девяностым, — сказала Вера и положила бланк на конторку. — Протоколы осмотра, опроса и опознания. Лесов, как обычно.

Зинаида Павловна взяла бланк, надела очки, которые висели у неё на цепочке, и прочла строку за строкой, шевеля губами.

— Тесьма, — сказала она. — Катушка. Это что ещё?

— Вещественные по делу. Он объяснит, когда будет нужно.

— Он всегда объясняет, когда уже поздно. — Она вздохнула и открыла большой журнал в коленкоровом переплёте. — Вот, пишите сюда. Фамилия, дата, время. Фонд, опись, дело, листы. И расписка. Я не пойду за вами, у меня картотека.

Вера записала всё аккуратно, без помарок, и поставила подпись в нужной графе. Потом взяла фонарь с крюка у двери, хотя в хранилище был свет, и пошла в глубину по среднему проходу.

Картотека стояла в дальнем углу, в шкафах из светлого дерева, которые пережили два переезда и три ремонта. Ящики были узкие, с подписанными жестяными держателями, и карточки в них лежали плотно, корешками вверх. Бумага пожелтела на сгибах, на некоторых карточках чернила выцвели до бурого. Вера выдвинула нужный ящик и провела пальцем по держателям. «Лесов» — не было. Был «Лес-», потом «Лесничий», потом «Лесных».

Она вынула карточку с номером из запроса и поднесла её к лампе.

Дело было заведено в девяностых. Номер начинался с года, дальше шла литера, которую в конце девяностых перестали ставить. На обороте стояли штампы выдачи. Первый, фиолетовый, был датирован осенью девяносто шестого. Второй, синий, почти стёртый, относился к марту девяносто восьмого. Третьей отметки не было, только карандашная запись рукой Зинаиды Павловны, ещё молодой, с крупными петлями: «не выдавалось с 2003, проверить по описи».

Вера положила карточку на край ящика и перевернула её лицом вниз, чтобы не потерять место.

Потом пошла по описи. Опись лежала в картонной папке на полке у стеллажа, и её страницы были проложены листами папиросной бумаги, как в старых изданиях. Она нашла нужный фонд, нужную опись, нужные листы. Номера совпадали с карточкой, но не сразу: в описи дело значилось под другим индексом, с пометкой «переведено», и Вера долго искала, пока не поняла, что после перевода в архив дела разделили. Часть осталась в фонде, часть ушла в особое хранение, которое позже стало называться «Особым архивом».

Она записала это в блокнот. Потом ещё раз проверила, как записано в описи: «переведено в особое хранение, акт № 14, без даты». Дата была пустой, как будто её забыли или не захотели ставить.

Томы лежали на нижней полке стеллажа, в конце прохода, под лампой, которая мигала. Вера поставила фонарь на пол, присела и вытянула первый из них. Переплёт был серый, картонный, с тесёмками, которые давно потеряли упругость. Пыль поднялась облаком, и она задержала дыхание, пока та не осела.

Она положила том на ровный стол у окна, где было больше света, и развязала тесёмки. Внутри лежали протоколы, сшитые нитками и скреплённые по краю скобами, которые ржавели в местах проколов. Страницы были исписаны машинописью с ручными исправлениями. Вера пролистала начало, отмечая порядок: титул, опись вложений, постановление о возбуждении, протокол осмотра места происшествия первого эпизода, фотографии в конверте, которые она не стала вынимать без необходимости.

Лист за листом она считала. Нумерация не везде совпадала: несколько страниц стояли без номеров, на одной был пропущен лист, а на другой номер был написан дважды, разными чернилами. Она записала каждое отклонение и поставила точку на полях карандашом, чтобы потом не спутать.

Второй том оказался тоньше. В нём были опросы свидетелей, почти все на одном бланке, с одинаковыми шапками и разными почерками. Один почерк повторялся часто, мелкий, быстрый, с сильным нажимом на концах строк. Вера отметила его и открыла конверт с приложениями.

Здесь были схемы, нарисованные от руки на миллиметровке. Узлы были показаны условными значками, петли стрелками, положение тела квадратами с подписями. Она разложила листы веером по столу, придавив углы книгой, чтобы они не сворачивались.

Снаружи, за стеклом, кто-то вёл машину по двору, и свет фар прошёл по потолку и исчез. Зинаида Павловна за дверью стучала ящиками, и звук отдавался в пустом проходе.

Вера сняла очки, протёрла стёкла краем блузки и снова надела. Потом взяла карандаш, придвинула к себе блокнот, в котором уже были записаны номера листов, и положила рядом копию описания, которую прислал Ставицкий с места происшествия. Эксперт писал в ней о тесьме, о катушке, о количестве витков и о положении рук.

Она начала с первой строки и не стала торопиться.

Первая строка описания была короткой и сухой, как большинство строк в служебных документах. Эксперт писал, что тесьма светлая, хлопчатобумажная, шириной около семи миллиметров, и что на запястьях витков два. Вера отметила это в блокноте и перевела взгляд на машинописный протокол девяносто шестого года. Там тесьма тоже была светлой, но ширину не указывали. Вместо неё стояло слово «лента», написанное от руки поверх машинописного «шнур», и чернила там были другие, синее и бледнее.

Она не стала делать вывод. Сначала нужно было разложить всё в порядке, а уже потом сравнивать.

Вера встала, прошла к окну и открыла шпингалет. Рама поддавалась с трудом, в щель потянуло сыростью и запахом мокрого асфальта. Двор был пуст, только у дальнего сарая стояли две пустые тачки, прислонённые друг к другу. Она закрыла окно и вернулась к столу.

Тома она разложила по порядку, как принято в фонде: сначала постановление и опись, потом протоколы по эпизодам, затем опросы, затем приложения. Первый том она поставила слева, корешком к стене, второй положила рядом, третий, тонкий, отдельно, на кусок чистой бумаги, чтобы не испачкать переплёт. Полку, с которой брала тома, она тоже осмотрела. На нижней доске лежал слой пыли и несколько сухих мушиных крыльев, а на стекле стеллажа виднелся след чьей-то ладони, давний, уже почти стёртый.

Состояние бумаг она записывала так же, как записывала всё остальное: по листам, без оценок. На страницах протокола осмотра первого эпизода была заметна желтизна по краям, но текст читался уверенно. На трёх листах видны были пятна от влаги, бурые, с размытыми границами. На одном листе, между вторым и третьим абзацами, отсутствовал нижний угол, оторванный так аккуратно, что Вера не сразу поняла, что это не брак печати. Она провела пальцем по сгибу. Бумага была ломкой, но разрыв старый, сглаженный временем.

В приложениях к опросам она нашла конверт с фотографиями. Снимки были чёрно-белые, на матовой бумаге, с белыми полями и подписями на обороте. Вера не стала их вынимать полностью. Она потянула край, чтобы посмотреть номер на первой карточке, и увидела только часть кадра: угол стены, светлое пятно, что-то похожее на край стола. Номер на обороте совпадал с описью. Она вложила снимок обратно и поправила конверт, чтобы он не выпирал из переплёта.

Дверь в хранилище скрипнула. Зинаида Павловна заглянула в проход, держа в руке кружку с отбитой ручкой.

— Вам чаю принести? — спросила она. — Вы уже час без перерыва.

— Спасибо, не надо, — сказала Вера. — Мне нужна бумага для копий. Тонкая, если есть.

— Тонкая есть, в шкафу с правой стороны. Только фотокопировальный аппарат опять хрипит, я его не трогала. Вы сами, если что, стучите.

— Хорошо.

Зинаида Павловна посмотрела на разложенные тома, потом на карандашные отметки на полях.

— Вы порядок не меняйте, — сказала она без нажима. — Тут всё по местам лежит, как при прежнем хозяине. Кто сюда последний раз руками лез, тот и путаницу оставил.

— Кто последний раз выдавал?

— Не помню. Журнал посмотрите. Там всё написано, если люди писали.

Она ушла, оставив дверь приоткрытой. Вера ещё немного посидела, слушая, как та ходит по коридору, потом как хлопает ящик и звенят ключи. Потом снова стало тихо.

Она вернулась к второму тому и открыла его на опросе, который отметила первым. Шапка бланка была та же, что и в других протоколах, с графами для фамилии, года рождения, адреса и места работы. В графе «место работы» стояло: «Красный прокат, цех № 4». Вера отметила номер цеха и подчеркнула его. Потом перевернула лист и проверила, нет ли на обороте записей. Оборот был пуст, только в левом углу стоял пятнистый отпечаток от чашки.

Она записала и это.

К середине дня за окном посветлело ненадолго, потом снова сгустились тучи. Лампа над столом мигала реже, но не гасла. Вера сняла пальто, повесила его на спинку стула и осталась в свитере. Пыль на столе она сметала ладонью в сторону, на край, чтобы она не попадала на листы.

Она закончила с приложениями и перешла к третьему тому. Здесь были сшитые вместе копии справок и переписка между отделами, отпечатанная на машинке с западающей буквой «е». Вера раскладывала листы по порядку, сверяя номера, и отмечала, какие страницы выпали из связки и вложены назад не в ту сторону. Таких оказалось три. Она пронумеровала их карандашом, отдельно, и положила на край стола стопкой, чтобы потом вернуть на место без путаницы.

Когда все тома были открыты, стол превратился в сетку из бумаги: протоколы, схемы, описи, справки, снова протоколы. Вера обвела взглядом это пространство и поняла, что без записи порядка не сможет вернуться к нему через час. Она взяла новый лист, нарисовала таблицу из четырёх колонок и начала заполнять её, по каждому тому, по каждому листу, по каждой отметке состояния.

Работа шла медленно. Она не торопилась и не позволяла себе перескакивать, даже когда видела, что нужная строка уже где-то рядом.

* * *

Таблица заняла почти весь лист. Вера расчертила его карандашом по линейке, вписала в колонки номера томов, листов и даты, а в четвёртую, самую узкую, оставила место для пометок. Работать с ней было неудобно: строки получались слишком короткими для длинных описаний, и приходилось переносить текст мелким почерком. Она всё равно переписывала. Если сравнивать по памяти, через час она начнёт видеть то, что хочет видеть.

Сначала она сверила самое простое: тесьму. Эксперт писал о светлой хлопчатобумажной ленте, шириной около семи миллиметров, два витка на каждом запястье, петля на шее с оборотом и захлестом. В протоколе девяносто шестого года эти же витки описывались словами «в два оборота», а захлест «с закреплением под петлёй». Разница в формулировке была, но не в узле. Вера поставила напротив каждой строки галочку и отдельно отметила слово «лента», которое переписали поверх «шнура».

Потом она взяла квадрат ткани. Новое описание давало размер: двадцать на двадцать, сложен вчетверо, уголок вниз, на груди. Старое говорило то же самое, только без размера и с пометкой о сгибе: сгиб обращён влево. Вера перечитала эту строку дважды. Сгиб был мелочью, которую не записывают, если не собираются проверять. Значит, в старом протоколе кто-то её проверял.

Катушка осталась напоследок. Вера понимала, что это самое важное, и поэтому не спешила.

В новом описании катушка была деревянной, светлой, с обмотанным остатком тесьмы, из правой руки. Эксперт отмечал диаметр, высоту и то, что на торце сохранилась бумажная наклейка, отклеенная наполовину. Ставицкий в своём предварительном рапорте написал только «катушка, узнаваемая по конструкции». Никаких подробностей он не приводил.

Вера открыла закрытый протокол осмотра первого эпизода. Его переплёт был твёрже остальных, с отдельным штампом «Для служебного пользования» на корешке. Лист шестой. Описание катушки занимало четыре строки, и в третьей строке было написано: «На одном из фланцев с внутренней стороны полукруглый надрез, глубиной около двух миллиметров, сделанный острым предметом. Надрез расположен против отверстия для оси».

Она прочла строку ещё раз, медленно, как читают текст на чужом языке, отыскивая знакомые слова. Надрез был мелкий. Его могли принять за царапину от времени, за дефект дерева, за след от пальца. В описании эксперта, которое прислал Ставицкий, о надрезе не было ни слова. Во всём открытом деле, которое Вера успела найти в картотеке и в электронной базе, катушка упоминалась дважды, и оба раза без подробностей.

Она положила карандаш на стол и откинулась на спинку стула. Стул скрипнул. В коридоре Зинаида Павловна что-то уронила, потом выругалась тихо, без злости.

Вера вернулась к новому описанию. Эксперт писал о катушке так, как пишут о предмете, который уже видел. Фланец, отверстие, наклейка. Про надрез там не было. Она перечитала строку ещё раз и поняла, что надреза в новом описании нет, но и утверждения о его отсутствии тоже нет. Эксперт не осматривал внутреннюю сторону фланца. Или осмотрел и не заметил. Или заметил и не счёл нужным записать.

Она взяла фотографию, которую прислал Мирошин, и увеличила на экране часов, которые лежали рядом. Снимок был сделан при вспышке, снизу. Катушка лежала в руке, и внутренняя сторона фланца смотрела в кадр. Вера долго искала на тёмном пятне что-то похожее на полукруг. Нашла. Тень легла так, что надрез мог быть просто тенью, и мог быть надрезом. Она не стала сразу решать, что видит.

Один и тот же надрез. Или одна и та же ошибка в том, как его не заметили.

Она выписала обе строки в таблицу: номер тома, номер листа, точную формулировку. Потом подчеркнула слово «внутренняя». Сверху, рядом с колонкой для пометок, она написала: «В закрытом протоколе, 1996. В открытых источниках нет. В новом описании не подтверждено».

Дальше нужно было проверить, не попала ли эта деталь в прессу. Вера открыла на телефоне сохранённые статьи. Заголовки были громкими, тексты короткими, почти все перепечатывали друг друга. В одной статье упоминалась «деревянная катушка, которую следствие считает особым знаком». В другой катушку назвали «фирменным предметом». Надреза не было нигде. Ни в одной публикации, ни в одном интервью, ни в одной записи судебного заседания, которую она смогла найти.

Вера прочла список источников ещё раз и подумала, что это ничего не доказывает. Журналисты не видели протоколов. Они писали по пресс-релизам и по словам людей, которые слышали от других людей. Надрез мог существовать только там, где его измерили.

Она встала, снова подошла к окну, на этот раз не открывая его. Стекло было холодным. На улице зажгёлся фонарь у ворот, и свет его лёг на мокрый асфальт двора. Тачки у сарая так и стояли прислонёнными друг к другу.

Она думала о словах Лесова. *Помню каждый узел.* Он говорил это спокойно, как человек, которому не нужно доказывать. Тогда она решила, что он хвастается. Теперь ей казалось, что он просто сообщил: вот то, что знаю я, и вот то, что знает тот, кто с моими словами пришёл на место.

Вера вернулась к столу, села и провела пальцем по строке с надрезом. Бумага под пальцем была ровной, без шероховатостей.

Выходило две возможности. Подражатель либо работал с тем же делом, то есть видел закрытый протокол, держал в руках те же листы, сидел над теми же схемами. Либо получил сведения из самого следствия, от людей, которые знали о надрезе и не сочли нужным писать о нём в открытых документах. Третьего она пока не видела, и это её не успокаивало. Она знала, что привычка искать закономерность может подменить факты, поэтому записала обе версии на отдельном листе, строчку за строчкой, и не стала подписывать ни одну из них.

Фонарь за окном мигнул и ровно загорелся снова. Вера посмотрела на таблицу, на подчеркнутое слово «внутренняя», и отложила карандаш.

Журнал выдачи лежал в отдельной папке, в конце тома. Его никто не переплетал. Листы были подшиты простой суровой нитью, на углах темнели круги от чашек. Вера перелистала первые страницы, не торопясь. Записи делались от руки, чернилами, и почерки менялись так часто, что казалось, журнал вели по очереди все, кто работал в архиве в девяностых.

Колонки были простыми: дата, номер дела, фамилия получившего, подпись, дата возврата. Вера нашла нужный номер на третьей странице листа, где перечислялись выдачи за ноябрь девяносто шестого. Закрытый протокол осмотра по первому эпизоду значился здесь дважды.

Первый раз его выдали четвёртого ноября следователю Ставицкому. Фамилия была написана полностью, подпись стояла твёрдая, с нажимом. Возврат отметили через четыре дня. Против даты возврата кто-то поставил короткую черту, как делают, когда спешат.

Второй раз запись появилась в марте девяносто седьмого. Фамилии не было. Стояли только инициалы «Ф. С.» и неразборчивая закорючка. Дата возврата оставалась пустой.

Вера провела пальцем по строке. Потом посмотрела на соседние записи того же месяца. Выдачи шли почти каждый день, и рядом с некоторыми стояли пометки о возврате, а рядом с этой не стояло ничего. Ни черты, ни даты, ни подписи внизу.

Она сфотографировала страницу телефоном, потом ещё раз, с другим светом, у окна. Снимок вышел серым, буквы «Ф. С.» почти слились с линией. Вера увеличила их пальцами и подумала, что инициалы ничего не доказывают. В архиве работало много людей с одинаковыми буквами. Но в протоколе девяносто шестого и в журнале девяносто седьмого совпадало одно: закрытый лист с надрезом на внутренней стороне фланца кто-то держал на руках ещё через полгода после ареста.

На телефоне высветилось сообщение. Глеб писал коротко, без приветствия, как всегда.

«Что по протоколам?»

Вера ответила не сразу. Она набрала первую фразу, стерла, набрала другую.

«Есть расхождение по катушке. Пришлю таблицу».

Она перечитала и добавила: «Не по тексту, по фактам». Потом стёрла вторую часть. Оставила одну строку и отправила, прежде чем передумала.

Ответ пришёл почти сразу. Глеб, видимо, держал телефон в руке.

«Какое расхождение?»

Вера посмотрела на экран. Вопрос был простым и требовал простого ответа: номер листа, формулировка, обе строки рядом. Она могла написать всё это за минуту. Но если написать сейчас, он прочтёт в её словах то, что ему нужно, и отбросит всё остальное. Она знала эту его привычку, потому что сама часто поступала так же, когда была уверена в выводе.

«Вечером пришлю, — написала она. — Тогда будет понятнее».

Ответа не последовало. Экран погас, и в комнате стало темнее. Вера положила телефон экраном вниз, рядом с журналом.

Она вернулась к протоколу девяносто шестого. Шестой лист, третья строка. Надрез, глубиной около двух миллиметров, против отверстия для оси. Внутренняя сторона фланца, которую никто не фотографировал крупным планом, кроме одного снимка Мирошина при вспышке. Тень на снимке лежала так, что полукруг можно было принять за тень.

Вера взяла карандаш и аккуратно обвела строку тонкой линией, не нажимая сильно, чтобы не продавить бумагу. Линия получилась ровной. Она смотрела на неё довольно долго, пока за стеной не хлопнула дверь и кто-то прошёл по коридору, стуча каблуками по старому линолеуму. Шаги стихли у лестницы.

Журнал так и лежал открытым на записи «Ф. С.». Вера не закрывала его, пока не поняла, что сидит, положив руки на стол, и ждёт, хотя ждать было нечего.

Глава 4

Служебная записка

Кабинет полковника Велихова находился на третьем этаже, в конце коридора, где окна выходили на заводскую трубу и крыши депо. Ставицкий шёл туда медленно. Плечо ещё не болело, но он держал папку в левой руке, будто нарочно, чтобы никто не спросил о правой.

Секретарша, молодая женщина с аккуратно уложенными волосами, подняла глаза от монитора, кивнула и ничего не спросила. Она уже знала, что он придёт. Новости в управлении расходились быстрее, чем документы.

Велихов сидел за большим столом, под портретом министра и под стеклянной рамкой с благодарственным письмом, в котором стояла фамилия Ставицкого. Очки висели на шнурке. Полковник читал бумагу, не поднимая головы, и только когда Глеб дошёл до середины кабинета, отложил лист и снял очки.

— Садись, Глеб Андреевич. Чай будешь?

— Нет, спасибо.

— Как знаешь. — Велихов придвинул к себе пепельницу, хотя не курил уже лет шесть. Просто любил, чтобы на столе что-то лежало. — Что у тебя по Красному прокату? На канале уже показали ворота и мешок. Звонили из облуправления, спрашивали, кто ведёт.

— Я веду.

— Это я знаю. Спрашивают, почему ты.

Ставицкий положил папку на край стола и не стал её открывать.

— Мне нужно, чтобы в сводке не было Лесова. Ни прямо, ни намёком. Ни «связывается», ни «не исключается», ни «по ряду признаков».

Велихов чуть склонил голову набок, и на секунду стало видно, что он старше, чем выглядит на фотографиях.

— А кто говорит, что связывается? Ты говоришь — подражатель. Так и скажем. Слово хорошее. Людям оно спокойнее, чем маньяк, который вышел из колонии.

— Слово спокойное, пока никто не начнёт сравнивать. Найдётся аналитик, сядет с протоколами и сравнит. Лучше сказать сейчас, что мы смотрели и совпадений не нашли.

— Не нашли?

— Пока не закончили.

Велихов помолчал. Потом откинулся в кресле, и кресло скрипнуло.

— Ты знаешь, сколько писем пришло по твоему делу за десять лет? Из министерства, из областной прокуратуры, из ветеранских организаций. Читать неохота, но приходится. Там всё одно и то же: «Благодарим за профессионализм». — Он постучал пальцем по стеклу рамки, где было написано его собственное имя и название награды, которую вручали не ему. — Заречинский случай, Глеб. Так его в учебнике называют. Это ты, не я. Я только подписывал.

— Я помню.

— Тогда помни и другое. — Велихов говорил ровно, без нажима, и от этого было тяжелее слушать. — Управление держится на одном деле. Не на десяти, а на одном. Пока оно стоит, никто не спрашивает, что лежит под плинтусом. Это не цинизм, это устройство. Так работает всё.

Ставицкий смотрел на пепельницу. В ней лежала скрепка, согнутая пополам.

Он знал, какой вопрос должен задать. Простой, короткий, из трёх слов. Кто получал закрытый протокол по первому эпизоду после того, как он вернул его в ноябре девяносто шестого. И почему в архиве до сих пор не закрыт журнал за март девяносто седьмого. Вопрос лежал у него на языке, и он чувствовал его вкус, сухой и металлический, как у скрепки.

Он не задал его. Вместо этого сказал:

— Я прошу не давать ход связи с Лесовым. Больше ничего.

— Больше ничего, — повторил Велихов. — Хорошо. А Корф что говорит?

— Корф работает с архивом.

— Корф работает с Лесовым. Это по моему распоряжению, не забывай. Я сам её к нему отправил, чтобы он нам что-то сказал про ту историю с подражателями, которая в прошлом году в области была. Она разговаривала с ним, он ей что-то наговорил, и теперь она сидит в архиве и перебирает бумаги. — Велихов взял ручку, покрутил её в пальцах. — Пусть перебирает. Но если она что-то понесёт наружу, то понесёт через меня. Ясно?

— Ясно.

— И ещё. — Велихов положил ручку на стол параллельно краю. — Ты сам будешь вести дело. Я тебе не дам его отобрать, пока ты не скажешь, что не справляешься. Но архивный отдел посмотрит твои бумаги. Без этого не выходит. Не потому, что я тебе не верю, а потому, что так положено при повторном деле.

Ставицкий кивнул. Слово «повторном» прозвучало мимоходом, и полковник, судя по всему, не заметил, что его сказал.

— Понял.

— Вот и хорошо. — Велихов надел очки и придвинул к себе лист, который читал до его прихода. — Иди работай. Сводка будет в два. Скажи Лапшину, чтобы не ляпнул на брифинге про катушку. Для журналистов это слишком красиво.

Ставицкий взял папку и пошёл к двери. Ручка была тёплой, будто её кто-то только что держал. За спиной полковник перелистнул страницу, и бумага зашуршала.

— Глеб Андреевич, — сказал Велихов, не поднимая головы.

Ставицкий обернулся.

— Следствие должно быть чистым. Ты же это понимаешь. Я не хочу, чтобы мне через год принесли то же дело на блюдечке.

— Понимаю.

— Вот и хорошо.

В коридоре пахло краской и холодным чаем из автомата. Ставицкий прошёл мимо двери архивного отдела, за которой стояли стеллажи и где сейчас, возможно, сидела Корф над своей таблицей. Он не остановился. Дошёл до лестничной клетки, где окно было открыто на одну створку, и остановился там, держась за подоконник.

Достал телефон. Экран показал переписку. Его собственный вопрос, отправленный утром: «Какое расхождение?» Ниже ничего не было. Ни ответа, ни точки, ни значка прочтения.

Он смотрел на эти три слова дольше, чем нужно. Потом сунул телефон в карман, и с улицы подул холодом, пахнувшим мокрым железом.

Внизу хлопнула дверь. Кто-то поднимался по лестнице неспешно, на каждой площадке замедляя шаг, как поднимаются люди, которые носят тяжёлое. Ставицкий не обернулся. Шаги приблизились, стихли на площадке, потом снова зазвучали.

— Глеб Андреевич, вы тут? — Голос был хрипловатый, знакомый, с привычкой говорить вполголоса даже тогда, когда вокруг никого нет. Лапшин, старший оперуполномоченный. Он первым из группы произнёс «Красный прокат» вслух, не заикаясь.

— Тут.

Лапшин подошёл, встал рядом и посмотрел в окно, на трубу. Из неё тянулась слабая струйка дыма и быстро растворялась в сером небе.

— Полковник велел не болтать про катушку на брифинге, — сказал Лапшин. — Я не болтаю. Мне сказали: ворота, мешок, женщина. Так и скажу.

— Скажи.

— Ты как? Рука?

— В порядке.

Лапшин кивнул так, как кивают тем, кто не хочет продолжать. Достал пачку сигарет, посмотрел на неё и убрал обратно.

— Тарасов тебя ищет. Хочет в понедельник сесть и разложить всё по полочкам. Говорит, если это подражатель, должно быть, чем подтвердить. Признаки какие-то.

— Признаки есть.

— Я ему то же самое сказал. Он спросил, откуда.

— И что ты ответил?

— Ответил, что ты сам знаешь. — Лапшин помолчал. — Глеб, скажи честно. Это тот же узел?

Ставицкий не ответил сразу. За окном по путям депо прошёл тепловоз, и стёкла чуть задребезжали.

— Завтра будет протокол, — сказал он. — Тогда и поговорим.

— Завтра брифинг.

— Тогда после брифинга.

Лапшин выдохнул и посмотрел на него сбоку, будто хотел добавить что-то ещё, но передумал.

— Ладно. Пойду, в дежурке ждут сводку.

Шаги удалились. Хлопнула дверь на площадке, потом ещё одна, уже внизу. Наступила тишина, такая плотная, что слышно было, как в трубах отопления что-то перекачивается и замирает.

Ставицкий вернулся в кабинет не сразу. Постоял у своей двери, не открывая её, и только потом повернул ключ. Внутри было холодно: батарея работала вполсилы, как всю осень. На столе лежали распечатки по Голубевой, фотографии из четвёртого пролёта, список сотрудников кафе. Он положил папку рядом и сел, не снимая пальто.

Фотографии смотреть не стал. Он и так помнил: тесьма, квадрат ткани, сложенный вчетверо, катушка в правой руке. Помнил и то, что не попадало в сводки. Как в ноябре девяносто шестого ему вернули закрытый протокол, как он положил его в сейф и провёл пальцем по корешку, словно проверяя, не разошлась ли нитка. Тогда ему казалось, что дело закрыто окончательно и к нему никто не вернётся.

Он выдвинул ящик стола. Там лежал старый блокнот с датами, номерами и фамилиями. Листал, пока не нашёл страницу, где сверху было написано: «Журнал выдачи». Почерк был его, аккуратный, с наклоном, каким он писал в молодости, когда ещё верил, что всё записанное потом можно прочесть. В строке за март девяносто седьмого стояли инициалы, которых он не помнил, и пустая графа возврата.

Он закрыл блокнот.

Телефон на столе коротко дрогнул. Ставицкий перевернул его экраном вниз, потом снова повернул. Сообщение пришло не от Корф. Из управления: «Сводка в 14:00, без комментариев». Он ответил одним словом, «принято», и отложил телефон.

Через стену донёсся скрип: кто-то на соседнем этаже двигал стулья. Ставицкий смотрел на папку, потом на свои руки, лежавшие на коленях поверх пальто. Правая рука слушалась, пальцы сгибались без боли, но движение было неприятное, как будто рука принадлежала кому-то другому.

Он подумал, что надо бы позвонить Корф и сказать, что вечером он всё-таки заедет в архив. Потом подумал, что сказать придётся больше, чем он готов сказать по телефону. Встал, подошёл к окну. Во дворе стояла машина Велихова, водитель курил, опершись на капот. Дым поднимался прямо вверх, ветра не было.

Ставицкий взял со стола ключи и остановился с ними в руке.

* * *

Корф пришла через двадцать минут. Ставицкий слышал её шаги ещё в коридоре: ровные, без спешки, с короткой паузой перед дверью, будто она проверяла, всё ли на месте. Она постучала один раз.

— Входите.

Корф вошла, закрыла дверь и остановилась у порога. Серое пальто, папка под мышкой, волосы собраны назад без единой выбившейся пряди. Ставицкий подумал, что так одеваются люди, которые готовятся к долгому разговору и не любят, когда разговор идёт ради разговора.

— Садитесь.

— Я постою, если можно. Мне сказали, что это недолго.

— Это зависит от вас. — Он кивнул на стул у стены. Она не сдвинулась. — Вот.

Он взял со стола несколько листов, которые она прислала ему накануне. Копии протоколов, испещрённые её пометками. Читал он их ночью, на кухне, и на полях каждый раз ставил карандашом значок, как ставят отметку на карте там, где что-то не сходится. Теперь он положил листы перед собой и перевернул первый.

— Вы пишете на полях, — сказал он.

— Да.

— Здесь: «лента или шнур». Здесь: «расхождение с описанием 1996, лист 6». Здесь: «ср. журнал выдачи, март 97». — Он провёл пальцем по строке. — Что это значит?

— Это значит, что в протоколе девяносто шестого тесьма названа лентой, а в новом описании она шнур. И что у катушки во внутреннем фланце есть полукруглый надрез, которого нет в новом описании. Глубина около двух миллиметров. Я указала лист, где это записано.

— Я знаю, где это записано.

— Тогда вы знаете, что я ничего не добавляла от себя.

Ставицкий смотрел на листы. Почерк у неё был мелкий, ровный, буквы не слипались. Пометки шли по полям, как конспект лекции. Ни одного восклицательного знака, ни одного слова, которое можно было бы назвать обвинением. Именно это его и раздражало. Каждая строка была обоснована, и каждая вела туда, куда он идти не хотел.

— «Ф. С.», — прочитал он вслух. — Кто это?

— В журнале выдачи стоят только инициалы. Без подписи, без даты возврата. Я не знаю, кто это.

— Не знаете.

— Я знаю, что это инициалы. Остальное пока не установлено.

Он отложил листы. Правая рука лежала на столе, и он заметил, что пальцы сами постукивают по крышке папки. Раз, два, три. Он остановил их.

— Послушайте, Корф. — Он сказал это мягче, чем собирался. — Мне нужен отчёт. Письменный. Не таблица, не список, а текст. С указанием листов, с перечнем, кто запрашивал дело, когда и в каком объёме. И всё, что вы передали в архив или получили оттуда, тоже нужно отразить.

— Работа по архивной сверке указана в запросе.

— Указано, что вы сверяете. Не указано, что вы снимаете копии закрытых протоколов и обсуждаете их с людьми вне группы.

— Я ни с кем ничего не обсуждала.

— А с Лесовым?

Она чуть склонила голову, будто ждала этого вопроса и отмечала, что он всё-таки прозвучал.

— С Лесовым я говорила по распоряжению полковника Велихова. Отчёт о беседах будет у него. Если хотите, дам вам копию.

— Я хочу, чтобы вы не выходили на связь с ним без моего ведома.

— Это решает полковник.

— Пока дело у меня, решаю я. — Он услышал, как голос стал твёрже, и не стал его смягчать. — Вы работаете на меня. Все запросы идут через меня. Никаких копий за пределы отдела. Никаких записей в журнале выдачи без моей подписи. И отчёт к пятнице.

Корф помолчала. Внизу, во дворе, коротко взвыла сигнализация на чьей-то машине и смолкла.

— Отчёт будет готов в пятницу, — сказала она. — Составлю по фактам. Где есть факт, будет ссылка на лист. Где факта нет, так и напишу, и не стану заполнять пустоту предположениями. Копии я делала по описи, их можно проверить по журналу архива. Журнал ведётся на Гончарной и доступен вам.

— Доступен.

— Тогда не нужно ставить мне условия про журнал. Вы сами увидите, что там записано.

В груди у Ставицкого поднялось что-то горячее и неприятное. Он знал, что это злость, но злился он не на неё.

— Вы думаете, я что-то скрываю.

— Я думаю, что в деле есть строка, которую вы прочли раньше меня, — сказала Корф. Голос у неё не повысился. — И что вы не ответили на моё сообщение.

Он не ответил. Посмотрел на её папку, на ровный корешок, на полоску бумаги, торчавшую между страницами, и не спросил, что там.

— Отчёт в пятницу, — сказал он.

— В пятницу.

Она подошла к столу, взяла свои экземпляры, аккуратно сложила их и выровняла края, постукав ими о столешницу. Потом положила сверху его листы с пометками, не переворачивая, и опустила ладонь на стопку, словно придавливая её.

— Вопросы у вас остались, Глеб Андреевич, — сказала она. — Я их не трогала. Они ваши.

Она вышла. Дверь закрылась без хлопка, и замок щёлкнул тихо, почти вежливо.

Ставицкий остался сидеть. В кабинете пахло бумагой и остывшим чаем. Батарея под окном тикала, остывая и нагреваясь, и этот звук казался ему громче любого разговора. Он смотрел на листы, которые она оставила на столе, на её мелкие ровные пометки. Ни одной пометки. Ни одного места, где рука дрогнула.

Он взял верхний лист и начал читать сначала, медленно, строку за строкой. Дошёл до слов «ср. журнал выдачи» и остановился. Потом взял ручку, придвинул к себе чистый лист, написал сверху: «Отчёт по запросу». Посмотрел на заголовок. Зачеркнул и написал снова, ровнее, с наклоном, каким писал в молодости, когда ещё верил, что записанное потом можно прочесть.

Первая строка далась легко. Дата, номер запроса, фамилия исполнителя. Он писал без сокращений, как учили на курсах, когда отчёты ещё перепечатывали через копирку и каждый лист проверял начальник отделения. Поставил точку и задумался над вторым пунктом.

Что здесь можно написать? Что запрос поступил в понедельник. Что Корф получила доступ к делу Лесова по указанию, которое она назвала распоряжением полковника Велихова. Здесь он остановился. Указание действительно существовало, но подписывал его он сам. Помнил, как ставил подпись утром, между двумя звонками, торопливо, и не перечитал список фамилий под ней.

Значит, условия она ставит не ему, а себе. И делает это аккуратнее, чем он.

Он перечитал строку. Потом провёл ручкой под словами «закрытый протокол», не нажимая, просто линию, чтобы видеть, где она проходит.

За окном темнело. Ноябрь здесь всегда кончался рано, фонари на Гончарной зажигались раньше, чем люди успевали закончить дела. Ставицкий встал, подошёл к окну. Во дворе стояла серая служебная «Нива», рядом никого. Он не помнил, чья она.

Вернулся к столу. Положил ладонь на стопку листов. Бумага была холодная, как всегда в этом здании.

На часах было без двадцати шесть. Архив закрывался в шесть, но сотрудники отдела хранения, если нужно, задерживались. Он знал это по журналу допусков, который видел в начале года и не придавал значения. Теперь вспомнил: в графе напротив фамилии Корф стояло не «до шести», а «по необходимости».

Он взял трубку телефона, подержал её, потом положил обратно. Звонить было не о чем. Во всяком случае, пока он не знал, о чём спросить.

Вернулся к отчёту.

Пункт третий: «Журнал выдачи, лист 14, запись от марта 1997 года». Он написал это и поймал себя на том, что почерк стал мельче, будто слова занимали меньше места, если их писать тесно. Он выпрямился и вывел строку заново, крупнее.

Ф. С.

Инициалы ничего не значили. Они подходили многим. Фомичёву, если тот когда-то работал в архиве. Тарасову, Белых, Мирошину, который в девяносто шестом был ещё лаборантом и таскал протоколы из одного кабинета в другой. Подходили и ему самому. Он не хотел думать об этом именно так, но мысль пришла сама, спокойно, как приходит мысль о погоде.

Он записал под пунктом: «Идентификация лица не проведена». Посмотрел на фразу. Она была правильной и ничего не говорила. Такие фразы ставят в конце отчётов, когда не хотят отвечать на вопрос, который уже прозвучал.

Перевернул лист шесть. Надрез на катушке: полукруглый, около двух миллиметров во внутреннем фланце. Фотография на обороте была плохая, тени легли так, что надрез едва угадывался. Он вспомнил, как Мирошин в прошлом году говорил, что на старых снимках многое теряется. Тогда это показалось ему аргументом в пользу нового описания. Сейчас он подумал, что аргумент работает и в обратную сторону.

Он выписал номер листа, потом номер акта. Четырнадцать. Без даты. Рядом поставил знак вопроса и тут же зачеркнул его, потому что вопрос был не к бумаге, а к нему.

Вспомнил ноябрь девяносто шестого. Тогда ему выдали закрытый протокол на один день, с условием вернуть до конца смены. Он читал его в кабинете на втором этаже, при включённой лампе, и потом отдал дежурному, расписавшись в журнале. Подпись стояла полная, с фамилией. Значит, март девяносто седьмого был после. Кто-то брал протокол потом, когда дело уже уходило в суд, и не расписался полностью.

Он провёл пальцем по строке журнала, как проводят по стеклу, чтобы стереть отпечаток. Отпечаток не стирался.

На полях, рядом с инициалами, Корф поставила маленькую точку. Больше ничего. Ни стрелки, ни вопроса. Точка, которую можно было понять как «здесь остановилась», а можно как «здесь вы ещё ничего не объяснили».

Ставицкий взял карандаш, потом ручку и снова карандаш. Карандаш был мягче и ложился на бумагу без нажима. Он провёл им короткую черту под строкой, потом стёр её краем ладони. Остался серый след, который уже не сотрёшь до конца.

Отчёт выходил коротким. Чем больше он записывал фактов, тем меньше те складывались в страницу, которую он хотел бы показать Велихову. Ни одного вывода. Только даты, листы, инициалы, которых не было ни в одном его рапорте, и аккуратные ссылки, которые нельзя было оспорить, не признав сам факт.

Он отложил ручку и долго смотрел на последнюю строку. Потом взял новый лист, положил сверху старый, чтобы не потерять место, и начал писать заново, с первой строки, медленно, как будто времени у него было больше, чем оставалось на самом деле.

Глава 5

Дневник на последней странице

Квартира находилась на третьем этаже пятиэтажки на улице Шлаковой. Лифта в доме не было, и Корф шла за Ставицким по лестнице, слушая, как гулко отдаются шаги в пролёте. Он не останавливался. Держался за перила правой рукой, спина прямая, плечи ровные. Только на последней площадке он задержался, провёл ладонью по лбу и тут же опустил руку, будто проверял, не заметил ли кто-то.

Участковый Тимофеев ждал у двери с папкой под мышкой. Рядом стояли понятия: пожилая женщина в вязаной кофте, которая назвалась Зинаидой Ильиничной и сразу сказала, что ничего не трогала, и молодой мужчина лет тридцати с серым лицом. Он смотрел на номер квартиры и молчал.

— Ключи хозяйка передала, — сказал Тимофеев. — Нина Павловна. Квартиру сдавала. Говорит, девочка аккуратная, платила вовремя, в срок.

— Когда хозяйка её видела в последний раз? — спросил Ставицкий.

— Неделью назад. Приходила за деньгами, дверь открыла сама. Сказала, что та спешила на смену.

Ставицкий кивнул и вставил ключ в замок. Замок провернулся без усилия. Корф смотрела на металл вокруг скважины. Ни царапин, ни следов отжима.

— Понятые, пожалуйста, рядом, — сказал Ставицкий. — Входить по одному, ничего не трогать без моего слова.

В прихожей пахло сухой пылью и чем-то сладковатым, кажется, ванилью. Пальто висело на крючке у двери, зонт стоял в углу, сложенный и застёгнутый. Ботинки стояли парой у стены, носками внутрь. Корф отметила это прежде, чем успела подумать, что так не принято ставить обувь, когда торопишься.

Кухня была маленькой. На сушилке стояла одна чашка, дном вверх. Рядом тарелка и вилка, вымытые и уложенные ровно. На подоконнике банка с гречкой, на банке ручкой выведена дата. Полотенце сложено вдвое и повешено на ручку духовки.

— Она, бедная, всегда так, — сказала Зинаида Ильинична из коридора. Голос дрогнул. — Порядок любила. Я ей говорила, что не надо так себя строить, а она смеялась.

— Вы часто с ней разговаривали? — спросила Корф.

— Здоровались. Она на ночные уходила, я видела, как она выходит в темноте, с сумкой. Жалко было.

— Кто-нибудь к ней приходил, кроме хозяйки?

Женщина задумалась, поправила кофту.

— Не видела. Мужчин не видела. Подруга одна, наверное, приходила, высокая такая. Или не подруга.

Ставицкий прошёл в комнату, не оборачиваясь. Корф услышала, как он говорит Тимофееву у окна:

— Дверь без повреждений, окно закрыто изнутри. Следов борьбы нет. Посмотрите на пол возле дивана, там ковёр, на нём должны были остаться сдвиги.

— Ковёр ровный, — ответил Тимофеев.

— Вот именно.

Комната была небольшой, с диваном, письменным столом у окна и полками вдоль стены. Кровать застелена, покрывало натянуто без складок. Подушка лежала углом к изголовью. На полках книги стояли по высоте корешков, от самых высоких слева. Конспекты были сложены

стопкой и перевязаны бечёвкой, на верхней обложке аккуратно написано: «Макроэкономика, 2 курс, лекции». Рядом лежал блок стикеров, ровный, без единого отрыва.

Корф прошла вдоль полок и остановилась у стола. На краю лежала пачка квитанций, сложенная по размеру, и маленький настольный календарь. Числа были обведены ручкой, в некоторых клетках стояли короткие пометки: «смена», «смена», «выходной», «деньги маме».

— Смотрите, — сказала она.

Ставицкий подошёл, посмотрел на календарь и кивнул.

— Аккуратная девочка.

— Аккуратная, — повторила Корф. — Но вы сами видели, как она ушла в тот вечер. Или не видели. Хозяйка не видела. Кто-то говорит, что она уходила на смену с сумкой, а здесь ни одна вещь не выглядит так, будто её собирали впопыхах. Человек, который спешит, оставляет след. Здесь его нет.

— Или человек спешил, но привык, что его ждёт порядок, — сказал Ставицкий. — Студенты так живут. Мать приходит, видит и радуется.

— Мать была?

— Ещё не знаем.

Он открыл верхний ящик стола, потом второй. В первом лежали ручки, скрепки, пустой конверт с печатью общежития. Во втором, под папкой с курсовыми, лежала тетрадь в клеёнчатой синей обложке, перетянутая тонкой резинкой. Ставицкий взял её двумя пальцами, за угол, и потянул к себе, чтобы положить в пакет.

Корф увидела краешек страницы, который выглянул из-под резинки. Строка, написанная мелко, с наклоном влево, и рядом дата, обведённая дважды.

— Глеб Андреевич, — сказала она. — Не закрывайте.

Он замер. Тетрадь была наполовину в его руке, наполовину в ящике. Он посмотрел на неё, потом на то место, где она увидела строку, и медленно снял резинку, но не открыл тетрадь полностью. Лист с датой отошёл вбок, и Корф смогла прочесть слово «смена» и цифру, прежде чем он прикрыл страницу ладонью.

— Понятые, подойдите сюда, — сказал он ровно. — Будем фиксировать.

Тимофеев подошёл первым, за ним вошла Зинаида Ильинична, и молодой мужчина остался в дверях, не решаясь переступить порог. Ставицкий открыл тетрадь на первой странице, и участковый наклонился, чтобы заглянуть. Корф видела только руки Ставицкого: крупные, с белесыми костяшками, и тонкую полоску бумаги, на которой чернела подпись. Он переворачивал страницы медленно, не читая вслух, и каждый раз пальцы задерживались чуть дольше, чем нужно.

— Писала каждый день, — сказала Зинаида Ильинична. — Я видела, как она с тетрадкой на кухне сидела.

Ставицкий не ответил. Он дошёл до последней исписанной страницы и остановился. Строки там шли ровно, без зачёркиваний. Потом одна обрывалась, и ниже был пустой лист, на котором не осталось ни точки.

Корф смотрела на эту пустую часть. Потом перевела взгляд на Ставицкого. Он тоже смотрел на неё, и выражение его лица было таким, как будто он ждал, что она скажет первое слово. Она не сказала.

— Она это никому не рассказывала, — наконец произнёс он, тихо, почти для себя.

— Или рассказывала не тем, кто бы понял, — ответила Корф.

Ставицкий закрыл тетрадь, придержал её ладонью и не стал класть в пакет. Тимофеев переступил с ноги на ногу, понятой в дверях отвёл глаза. За окном, на улице Шлаковой, зажгётся фонарь, и свет лёг на пол узкой полосой, через которую было видно, как медленно оседает пыль.

Тимофеев шагнул от окна, и половица под ним отозвалась сухим звуком. Участковый оглянулся на Ставицкого, ожидая распоряжения, но тот не отвечал. Он смотрел на тетрадь, которую держал ладонью, и Корф видела, как на его виске напряглась жилка.

— Попрошу понятых в коридор, — сказал он наконец. — Тимофеев, опись вести по мере осмотра. Ничего не добавлять со слов хозяйки, пока она не подпишет.

Зинаида Ильинична вздохнула и первой вышла из комнаты. Молодой мужчина в дверях посторонился, не глядя ни на кого, и ушёл вслед за ней. Тимофеев задержался на пороге, будто хотел что-то сказать, но только поправил папку под мышкой и вышел.

Они остались вдвоём. Корф слышала, как в коридоре скрипит линолеум, как хлопает дверь соседней квартиры и тут же затихает. Внизу, во дворе, кто-то заводил машину, и мотор кашлял, не сразу схватываясь.

— Вы помните, когда Голубева в последний раз приходила домой? — спросила она.

— По словам хозяйки, неделю назад. По журналу в кафе, четыре дня назад она отработала ночную смену и не вернулась на следующую. Сама хозяйка говорит, что девушка предупреждала о замене.

— Значит, тетрадь ведётся до того дня, когда её не стало, — сказала Корф. — Или до того, когда она ещё могла её писать.

Ставицкий не ответил сразу. Он перевернул тетрадь обложкой вверх и провёл пальцем по клеёнке, по сгибу, по тонкой резинке, которая так и осталась на месте.

— Вы хотите сказать, что я должен читать это при вас? — спросил он.

— Я хочу сказать, что вы уже прочли то, что вас насторожило. Иначе бы не закрывали страницу рукой.

Он поднял глаза. Лицо у него было спокойное, но спокойствие держалось на тонкой нитке, и Корф знала это по тому, как он не моргал.

— Я закрыл страницу, потому что не хочу, чтобы вы читали чужое раньше, чем я сам разберусь, что здесь к делу, а что нет, — сказал он. — Это мой порядок.

— Ваш порядок, — повторила Корф. — Девушка тоже любила порядок. Квартира выглядит так, будто здесь ждали гостя.

— Или будто здесь жили так, как удобно жить одной.

Он положил тетрадь в прозрачный пакет и развернул горловину, но не стал запечатывать. Стоял, держа пакет на весу, и смотрел на надпись на обложке: «Для себя». Буквы были выведены крупно, с нажимом, как пишут те, кто не хочет, чтобы их спрашивали.

— Здесь же не только смены, — сказала Корф. — Вы это уже поняли. Иначе не стали бы читать последнюю страницу дважды.

Ставицкий медленно опустил пакет.

— Откуда вы знаете, что я читал дважды?

— Вы перевернули её, потом вернулись назад. Я видела, как задержалась ваша рука.

Он хмыкнул коротко, без улыбки.

— Вы всё замечаете.

— Стараюсь, — ответила она. — Иногда это мешает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.